

Глава II. Любимая дочь русского царя – герцогиня Голштинская

Когда в ночь на 28 января 1725 года Петр I лежал в предсмертной агонии, сенаторы и другие высшие сановники государства собрались во дворце для решения вопроса о преемнике престола. Спорили долго.

Этот вопрос волновал жителей Петербурга: «Кто будет владеть императорским скипетром: женщина или ребенок?»

Царствовавший дом к описываемому моменту имели две линии: царскую и императорскую. Первая шла от старшего брата Петра I, царя Иоанна Алексеевича, и была представлена его дочерьми: Екатериной, бывшей замужем за герцогом Мекленбургским, и Анной, вдовой герцога Курляндского. Из семейства первого императора России в живых остались: супруга-вдова Екатерина, дочери Анна и Елизавета, внук Петра, сын цесаревича Алексея.

Закон о престолонаследии от 5 февраля 1722 года, утвержденный Петром I, гласил, что при отсутствии сыновей наследует старшая из дочерей. Но старшая дочь первого императора Анна Петровна при обручении с герцогом Голштинским в 1724 году в брачном договоре под присягой отказалась вместе с женихом от русского трона. Законное наследство переходило ко второй дочери Петра – Елизавете.

В вопросе о кандидате на престол Сенат, главные вельможи государства разделились на две партии. Одна из них, остатки старой знати (князь Репнин, князь Голицыны, Долгорукие) указывала тогда на права великого князя Петра, сына казненного Алексея Петровича. Другая партия – светлейший князь Меншиков, генерал-адмирал Апраксин, граф Толстой, генерал-прокурор Ягужинский, канцлер граф Головкин, граф Остерман, ближайшие сподвижники Преобразователя, – разумеется, непременно хотели возвести на престол Екатерину, вдову Петра I.

Сторонники Екатерины всю силу своих доводов основывали на том факте, что само по себе коронование без всякого другого документа давало ей неоспоримое право на престол. Противники вдовы Петра также не менее убедительно доказывали, что эта коронация одна сама по себе не давала никакого права на скипетр.

В то время как сенаторы решали важнейшее государственное дело, в углу зала дворца собрались офицеры гвардии. Они в прениях Сената прямого участия не принимали, но до неучтивости откровенно и энергично высказывали свое суждение о них, громко заявляя, что разобьют голову боярам, которые будут противиться воцарению императрицы. Более того, под окнами дворца раздался барабанный бой: сюда прибыли с командами гвардейские полки. Президент Военной коллегии князь Репнин, принадлежавший к группе, враждебной Екатерине, рассержено спросил: «Кто смел без моего ведома собрать полки? Разве я не фельдмаршал?» Но подполковник одного из прибывших полков возразил на это репликой о том, что гвардейские полки собрал он по воле императрицы, которой все обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», добавил Бутурлин.

«Гвардия, – подчеркивал С. М. Соловьев, – была доведена до обожания умирающему императору, эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видела постоянно

с мужем и которая умела казаться солдату настоящей полковницею. Офицеры явились добровольно к императрице с уверениями в своей преданности...»

Вмешательство гвардии, неожиданно явившейся перед Сенатом, решило вопрос в пользу вдовы первого императора. Естественно, что в царствование Екатерины I правительство трогательно заботилось о гвардии – привилегированной части русской армии. В. О. Ключевский справедливо писал: «Все правительства, сменившиеся со смерти Петра I до воцарения Екатерины II, были делом гвардии. Петербургская гвардейская казарма, явилась соперницей Сената и Верховного Тайного Совета».

В многовековой истории русского государства случилось небывалое явление – на троне оказалась женщина!

Екатерина I, став императрицей, поспешила закончить дело, близкое ее родительскому сердцу: окончательно решить судьбу своей старшей дочери – царевны Анны Петровны.

Выбор жениха был сделан еще Петром I: Анну просватали за Генриха Голштинского Карла-Фридриха, племянника Карла XII. Он являлся сыном герцога Фридриха IV и принцессы Гедвичи Софии, старшей сестры короля Карла XII. Его отец погиб в сражении в 1702 году, а мать умерла в 1708 году. Карл остался сиротой в девять лет и воспитывался дядей, герцогом Христианом-Августом, епископом Любским. Петр I встречался с герцогом Голштинским и был к нему весьма расположен.

Сохранившиеся документы дают возможность выяснить в деталях о бракосочетании Ее Величества всероссийской цесаревны Анны Петровны и Его Королевского Величества Карла-Фридриха.

Еще 18 мая 1724 года офицеры вместе с трубачами сообщали по всему Санкт-Петербургу, что свадьба состоится в пятницу, 25 мая. На торжество приглашался высший свет Северной столицы: маршалы, сенаторы, иностранные послы, члены правительства Российской империи.

Лучшие русские мастера тщательно готовили зал для новобрачных и гостей. И вот в назначенный день состоялся торжественный выезд императрицы Екатерины I в летний дворец. В час дня пополудни прибыли гости во главе с женихом – венчание было в церкви Святой Троицы. Здесь присутствовали: светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-прокурор П. А. Ягужинский, вице-канцлер П. П. Шафиров и другие высокопоставленные сановники. Вместо отцов невесты и жениха были: граф, адмирал П. М. Апраксин и канцлер, граф Г. И. Головкин, а вместо матери – Ее Величество, цесаревна всероссийская и герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна; вместо братьев на свадьбе дочери Петра I выступали – граф Я. В. Брюс и генерал А. Б. Бутурлин, вместо сестер – графиня Головкина и госпожа Бутурлина и в роли ближних девиц – Ее Величество всероссийская цесаревна Елизавета Петровна (будущая императрица России) и великая княжна Наталия Алексеевна (сестра Петра I).

Очевидцы свадьбы отмечают, что на Анне Петровне была царская корона, украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями, платье невесте сшили из пурпурного бархата, украшенного горностаем. После венчания Екатерина I повесила на дочь орден Святой Екатерины с красным бантом.

В семь часов вечера все сели за свадебный стол, чтобы веселиться два дня подряд.

Брак старшей дочери первого императора России с герцогом Голштинским оказался недолгим. После рождения первенца Анна Петровна, еще не оправившаяся от родов, вскоре простудилась и скончалась в городе Ким. На свет появился еще один внук Великого Преобразователя – герцог Карл-Петр-Ульрих.

Штеллин, воспитатель сына герцогини Шлезвиг-Гольштейн-Готторпской Анны Петровны, так описывает обстоятельства ее смерти: «Между прочими удовольствиями по случаю рождения герцога Карла-Петра-Ульриха, спустя несколько дней после того, как новорожденный принц был окрещен евангельским придворным пастором, доктором Хоземаном, зажжен был перед дворцом фейерверк. При этом загорелся пороховой ящик,

от чего несколько человек было убито, многие ранены, и нашлись люди, которые объясняли этот случай в радостном событии как зловещее предзнаменование для новорожденного принца. Вскоре случилась еще большее несчастье. Герцогиня пожелала видеть фейерверки и иллюминацию, встала с постели и стала у открытого окна, при сыром и холодном ночном воздухе. Некоторые из придворных дам хотели удержать ее и убедительно просили закрыть окно и более беречь себя в настоящем положении. Но она засмеялась и сказала: „Мы, русские, не так изнежены, как вы, и не знаем ничего подобного“. Между тем эта прелестная принцесса простудилась, занемогла горячкою и скончалась на десятый день. Ее тело забальзамировали и на следующее лето отвезли для погребения в Петербург».

Вдове Петра I императрице Екатерине I суждено было царствовать лишь два года.

В короткий период царствования Екатерины I фактически правителем России был светлейший князь Александр Данилович Меншиков, один из главных организаторов государственного переворота с помощью придворной гвардии. При Петре I, как известно, все государственные дела решались в Коллегиях. При Екатерине I они рассматривались в новом высшем органе – Верховном Тайном Совете, созданном Меншиковым. Он подал 27 января 1726 года записку императрице о необходимости учредить такой орган для обсуждения «чужестранных и внутренних нужнейших дел». Светлейший князь сам назначил членов и не забыл, разумеется, себя. Предложение было принято Екатериной, и с 8 февраля 1726 года Верховный Тайный Совет в составе А. Д. Меншикова, канцлера графа Г. И. Головкина, графа П. А. Толстого, князя Д. М. Голицына, графа Ф. М. Апраксина, барона А. И. Остермана, герцога Голштинского и при явном первенстве светлейшего князя приступил к работе.

В светлую ночь, с 6-го на 7-е мая 1727 года, стала по Петербургу распространяться молва, что императрицы уже нет на свете. Говорили, однако, об этом шепотом и с большой опаской. Вскоре по улицам Петербурга потянулись, по приказанию Меншикова, полки, направляясь к Зимнему дворцу.

Офицеры и солдаты знали, что они идут приносить присягу новому государю, но кто будет царствовать – того никто не знал, да и все боялись спрашивать об этом. Лазутчики Меншикова шныряли в толпе и старались заговаривать с народом о предстоящей перемене, но все со страхом удалялись при первом слове. Они приставали и к шедшим ко дворцу солдатам, но получали от них один и тот же крайне осторожный ответ: «Ничего знать не можем».

Войско между тем окружило Зимний дворец и прекратило всякое движение по прилегавшим к нему улицам. Ко дворцу пропускали только «знатных персон», которых, независимо от одежды, лент и звезд, легко узнать по числу лошадей, запряженных в экипаж, и по ливрейным лакеям.

По зову Меншикова во дворец приехали его главные сторонники. Они собрались в приемный зал, а сам князь безотлучно оставался в спальне императрицы.

За Невой послышался протяжный бой часов на Петропавловской крепости. Отсчитав последний час в жизни Екатерины. Не успели еще пробить часы за Невой первой четверти десятого, как из спальни императрицы вышел в приемную в понуренной головой князь Меншиков. Из отворенных дверей спальни несли плач и слышалось громкое всхлипывание. Там рыдали с жалостными причитаниями ближайшая прислуга императрицы и обе ее дочери.

– Матушка, наша благочестивейшая государыня императрица Екатерина Алексеевна преставилась, – сказал он взволнованным голосом. – Да упокоит Господь Бог душу ее в селениях праведных!

Все молча перекрестились, и затем кто начал плакать навзрыд, кто принялся вздыхать, выражая громко свое сожаление о потере, постигшей Отечество.

На другой день к назначенному времени во дворец собрались все те лица из гражданских и военных чинов, которых созвали по распоряжению светлейшего князя

Меншикова. Канцлер Г. И. Головкин зачитал тестамент (завещательный акт) императрицы и все узнали, что трон освободившийся должен занять Петр Алексеевич, сын цесаревича Алексея, внук Петра Великого.

Когда окончились поздравления в приемной, Меншиков попросил императора показаться перед войсками и растворить настежь двери балкона, выходящего на ту площадь, на которой стояло войско, в ожидании, кому оно должно будет принести присягу.

При виде нового царя на площади громко грянул клич «Виват!» и одновременно началась стрельба из пушек в Петропавловской крепости и из орудий адмиралтейства.

Знатные персоны, бывшие в приемной, отправились, по приглашению канцлера, в дворцовую церковь для принесения присяги воцарившемуся государю; ему же стало присягать и войско, расставленное на площади. По отслужении в церкви молебствия о благоденственном житии, здравии и спасении благочестивейшего императора Петра Алексеевича, открыто было торжественное заседание Верховного тайного совета.

Первая российская императрица Екатерина I Алексеевна была похоронена в Петропавловском соборе. Современники свидетельствуют, что народ искренне оплакивал ее смерть.